



ЦИКЛ «ЖЕНСКАЯ САГА»:

Обмануть судьбу

Искушение

Волчья ягода

Счастье со вкусом полыни

Ведьмины тропы

Рябиновый берег

Багряный рассвет

Элеонора Гильм

**СЧАСТЬЕ
СО ВКУСОМ ПОЛЫНИ**



МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г47

Редактор серии *Полина Корицкая*

Иллюстрация на переплете *Percival Liebe*

Гильм, Элеонора.

Г47 Счастье со вкусом полыни / Элеонора Гильм. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-231960-0

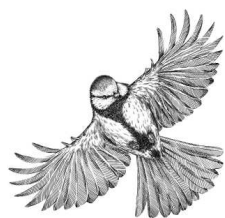
Аксинья Ветер, знахарка из Еловой, нашла приют в хоромах Степана Строганова. Да только смятение царит в ее душе. И страсть сулит новые испытания. Сможет ли она приручить синеглазого волка или он вновь изранит ее сердце?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гильм Э., 2026

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-231960-0



Пролог

Окунули ее в жидкое пламя, залили в глотку три бадьи кипятка, чтобы внутренности спеклись. Акси́нья слышала, как молится женщина, как воет ветер за окном, как скребют ветки по крыше.

Не открывая глаза, она ощупала живот. Сколько дней лежит в бреду? Неведомо.

Живот оказался плоским. Тот, кто сидел в утробе ее, вышел наружу. Живой ли, мертвый ли, Акси́нья не знала. Огонь, горевший внутри, лишал сил и намекал, что сын не выжил. Она попыталась открыть глаза, но веки, словно сшитые дерзкой рукой, отказывались свершить сие нехитрое действие.

Кто-то погладил ее запястье шершавой рукой, промычал невразумительное, и Акси́нья вспомнила Горбу́ню.

— С-с-сын, сын мой... Что с ним? — Она говорила и говорила, но ответа не было. — Сын, сын, сын, сын!

Тело предавало ее, рука только мелко дрожала под ласковыми поглаживаниями повитухи. Акси́нья знала, что не вынесет и мига страшной неопределенности. Увидеть тельце, рыдать, просить о милости...

— Акси́нья, тебе лучше? — Она узнала голос Анны Рыжей и попыталась повторить завязшее в зубах слово. — Ты чего шепчешь-то? Не пойму я.

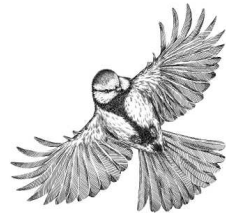


Аксинья все растягивала губы: «Сын». Трясущимися руками она провела по векам — не сшиты ли? Нет, значит, можно разлепить.

Она с трудом открыла глаза. Сразу ударило по зрачкам пламя свечей. Горбунья сидела возле постели. Рыжая Анна держала миску в руках, что-то жидкое плеснулось на половицы. Она подняла на Аксинью тревожный взгляд, повернулась к Горбунье, а та только крутила длинным носом из стороны в сторону.

Издаются, что ль? Аксинья хотела поколотить всех. За глупость, непонятливость, за то, что погубили ее дитя. Если бы она могла сама... Гнев придал сил, и Аксинья попыталась встать, да только тело противилось.

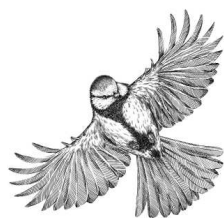




СЕМЬЯ







1. Возвращение волка

Шла вторая неделя поста, вечер обитатели дома проводили в тихих разговорах.

— Когда уж вернутся они? Истосковалась я по голубю своему ненаглядному. — Молодуха с ладным, чуть оплывшим лицом переплетала нитки на ткацком стане. Тонкие проворные пальцы выполняли непростую работу играючи, бело-коричневая пестрядь¹ рождалась на глазах.

— Настанет срок — приедут, — с показным равнодушием отвечала ей вторая, занятая вышивкой.

Она переступила порог четвертого десятка, но морщины почти не коснулись гладкого, чуть смугловатого лица. Темные, вытянутые к вискам глаза, смоляные брови и ресницы выдавали толику инородческой крови. Волосы прятались под светлым убрусом, что плотно обхватывал голову, но всякий бился бы об заклад, что косы ее темны, словно грива вороного коня.

— Аксинья, ты не меньше моего ждешь. Только изображаешь равнодушную да спокойную. — Молодуха выпустила из рук нити, резко встала, охнула и схватилась за поясницу.

— Ты, Лукаша, не гневайся. Дитю покой в утробе нужен. А что ж до меня... Боюсь: Хозяин вернется — и вновь покоя не будет.

¹ Пестрядь — грубая льняная ткань из разноцветных ниток.



— Слышала я все... Все! Как вы там... — Лукаша подошла к большому бронзовому шандалу¹, поправила свечку, что зависла в печальном поклоне.

— Мне смущаться уж нечего. Сама знаешь — и в кипяток ныряла, и по ледяному полю ходила. — Аксинья смотрела на молодуху словно на малое, неразумное дитя. — А с грехами мне самой жить — Бога гневить.

— Да ты прости, подруженька. Вырвалось лишнее слово сгоряча.

— Подслушивала-то зачем?

Лукаша поймала ее чуть насмешливый взгляд. Руки Аксиньи не прерывали ни на минуту работы, нить выходила ровной, гладкой, словно волосы той, что не носила еще дитя.

— Проснулась да пошла до нужника. Случайно там оказалась. — Краска залила ее милое лицо. Лукаша еще не научилась усмирять предательский румянец.

Аксинья давно, от матери, слыхала, что молодость уходит вместе с умением мучительно, резко краснеть. Научишься врать — постареешь.

— Скажу, ежели знать хочешь... Только за дверцей глянь — нет ли Нютки моей? Ей, ребенку, слышать срамное не надобно.

Лукаша послушно выглянула из светелки, поправила лазоревый убрус, обошла вокруг Аксиньи, словно хоровод вокруг весенней березки водила.

— Ты с ним, со Степаном, жить как жена будешь?

— А это как он велит. Хоть как жена, хоть как служанка последняя, в хлеву выгребать загаженную солому. Подневольная я. — Аксинья наконец отвела глаза от Лукаши. И самой себе не призналась бы, что разговор для нее тягостен.

¹ Шандал — массивный подсвечник.



Как дать разумный, спокойный ответ на те вопросы, что терзают денно и ночью?

— По сердцу он тебе иль нет? Гляжу и понять не могу. Зубами щелкаешь, как волчица, от одного имени кривишься, а там... — Лукаша оборвала себя на полуслове.

Аксинья представила, как молодая женщина прижималась к шершавой бревенчатой стенке, слушала, замерев, и закрывала рот ладошкой, чтобы не вырвался вскрик негодования или изумления. Вернулась под бок к мужу, прильнула теплым, зовущим телом к его спине, гладила жадными ладонями, ощущая непонятную жажду, а потом со вздохом отодвигалась — запрет пастырей строг¹.

— Бывают чувства ровные, ясные, точно погожий летний день. Так у тебя с мужем. Степан и я — буря и деревья, что клонятся к земле. Гляжу на него, поднимается что-то к горлу. Плакать тянет, и кричать, и смеяться — все сразу. — Аксинья, обычно сдержанная, серьезная, чувствовала, что слова рвутся из нее, текут полноводной рекой.

Люб — не люб, сама не могла сказать, что кипело в котле ее души. Ярость, обида, воспоминания о предательстве: кто оставил ее, беззащитную, с ребенком и не удосужился появиться ни разу за долгие восемь лет? Жгучая благодарность за помощь, за мешки с зерном... Желание прижаться крепко-накрепко, превратить наглую усмешку во взгляд, полный восхищения. Все, что бурлило в ней сейчас, требовало выхода.

— Потехе дурно стало! Мамушка! — белым вихрем ворвалась в светлицу девчушка лет десяти. По взволнованному голосу ее Аксинья и Лукаша поняли: дело серьезно.

Нютка припустила вниз по лестнице. Резные перила, невысокие ступени были удобны для маленьких женских

¹ Близость во время Великого поста была запрещена, даже если речь шла о супругах.



ног. Аксинья, подобрыв подол домашней рубахи, побежала вслед за ней, словно не давили три прожитых десятилетия.

— Да куда же вы? — Лукаша медленно спускалась, держась правой рукой за перила, левой окутывая живот, защищая его.

В переплетении сеней, жилых и нежилых клеток прятался небольшой закуток, где обитал Потеха. Стены, увешанные пучками трав, ветками малины и смородины. На лавках — корзины с шиповником и вяленой рябиной. Живой дух пижмы и тысячелистника витал здесь, словно на луговой окаемке леса.

— Потеха, ты чего ж удумал? — Аксинья с тревогой вглядывалась в небольшого человечка, который скрючился на лавке под рваным одеялом.

— Помирать пора, Окшущенька, — неразборчиво пробормотал он и обхватил узкую ладонь женщины непомерно крупной рукой, что, казалось, принадлежала более молодому и сильному мужчине.

— Да куда ж тебе помирать? Что стряслось, Потеха?

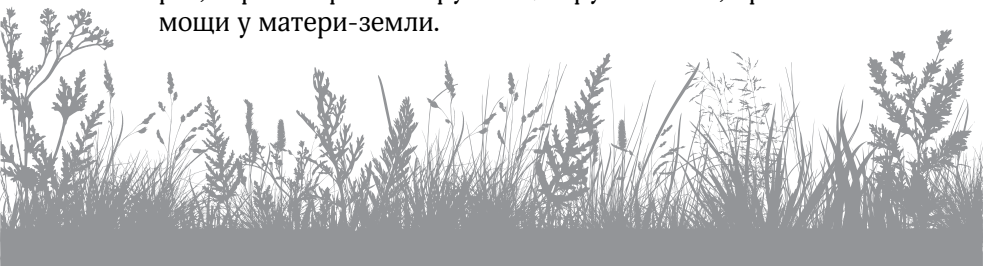
— Шел, шел да упал, полешки по кухне рассыпал. Мамушка, помоги Потехе. Как без него? — Девчушка схватила со стены зеленый пучок, трясла им, словно мать не видела травяного изобилия.

— Нюта, угомонись. Мне с хворым поговорить надобно... Ромашку оставь в покое и верни на крюк.

Аксинья подвинулась к старику поближе, так, что тепло ее крепкого тела перетекало в его изнуренную плоть.

— Пора мне отдохнуть, девонька. Да и на кой нужен я, штарый пень? — Потеха обращался к ней словно к бононой хохотушке.

— Как мы без тебя? Нютка следом за тобой ходит, слово ловит. А Хозяин... — Она долго увещевала Потеху, заваривала травы, вливая их в ставший покорным и жадным рот, терла шерстяной рукавицей руки и ноги, просила помощи у матери-земли.



Потеха стал для Нютки дедом, которого не успела она узнать, старшим добрым другом для Аксиньи и Лукаши, а уж с Хозяином дома, Степаном Строгановым, старика связывало что-то особое, сокровенное, уходящее в такую глубину, какой Аксинье никогда не узнать.

* * *

— Упокой, Господи, души усопших раб Твоих: родителей моих, сродников, благодетелей Василия, Анны, Федора, Матвея... — Аксинья шептала слова молитвы, перед взором ее проходили те, о чьем упокоении она просила.

Отец — умелый гончар и видный мужчина, крепкий, разумный, и невзгоды не смогли согнуть его спину. Мать — воплощение доброты и благодати. Брат — несчастный Феденька, который любил и защищал младшую сестру, грешницу. Матвейка... Здесь по лицу Аксиньи лились бесконечные слезы, сердце, должное просветлеть, преисполниться благодати, сжималось от бесконечной вины.

— За Степана Строганова, благодетеля моего, прошу, — шептала она на исходе молитвы и сил, когда свеча догорала и мрак клубился за окном, словно черный кот.

Дочку давно сморила шелковая ночь. Укутавшись пуховым одеялом, Нютка видела третий сон.

Аксинья, терзаемая муками совести, все не спала. Суббота четвертой седмицы Великого поста истончалась, ухнула в прошлое вместе с молитвами и страхами.

* * *

Ручей бежал, позвякивая серебряными колокольчиками, окатывал ледяной водицей поваленный ствол вековой сосны. Аксинья в одной рубашке сидела на том дереве, опу-



стив пятки в ручей. Солнце пригревало ее темную непокрытую голову, уши ловили жужжание шмелей, и жизнь казалась легкой и благодатной. Она закрыла глаза, уйдя в негу и...

Обнаженных ног коснулось что-то теплое, мягкое, пощекотало колени. Она, не открывая сонные глаза, протянула руку, коснулась густой шерсти и, ни капли не убоившись, впилась ласковыми перстами в лохматый бок. Зверь отвечал ей довольными звуками. Перекатывались мощные мышцы, волк, чуть повозившись, привалился к ее ноге, обдав шерстяным жаром.

— Устал с дороги? — спросила Аксинья, продолжая гладить зверя.

Тот не отвечал, лишь рыкнул что-то неясное, не гневливое — скорей усталое.

— Как жить мне теперь? — Она открыла глаза, чтобы взглянуть в существо, что застыло покорной глыбой у ног.

Светлая шерсть с бурыми подпалинами на спине и боках, мощная грудь, заостренная морда с черным, влажно поблескивающим носом, прикрытые пушистыми веками глаза. То ли дикий волк, то ли мирный пес, то ли...

— Степан? — спросила она.

Волк насторожил уши, открыл очи — темно-синие, злые, — поглядел так, словно сказала она что-то непотребное, гадкое, обидное.

— Да что ж ты со мною так? По сердцу ты мне, да не ланью хочу быть — волчицей твоей... — Лютый не дал договорить. Он вцепился острыми зубами в ее ногу, и раздирал плоть, и клыки окрасились кровью. А крик так и не сорвался с губ Аксиньи.

Скоро настало утро, петухи заголосили, окаянные птицы, выдернули из ночной неги и страхов. Строганов, синеглазый волк, по-прежнему бродил в ее снах.



* * *

Постная трапеза собрала всю семью за длинным столом. Да, они могли считать себя семьей.

Лукерья с дитем Пантелеймона Голубы в утробе, счастливая жена и хозяйка. Аксинья, оставшаяся в доме — то ли наложницей, то ли служанкой; довольная Нюта, дочь Степана Строганова; Потеха, старый слуга, еще не оправившийся от недуга.

— Ты, Акшинья, — хитрая душа, — шурился Потеха на знахарку. — Лиша, да не рыжая, а чернобурая. — Он звучно хлебал грибные щи, постукивая ложкой по дну миски.

— И в чем моя хитрость? — Аксинья, раскладывая да перекладывая воспоминания о ночном звере, против воли улыбнулась.

— Взяла да поштавила на ноги штарики. Мне уже в могилу пора. Нешпроста, ой нешпроста, — шепелявил старик.

— Дед, как не знать! Радеет о тебе матушка, — вернула Нютка и, поймав строгий взгляд родительницы, поперхнулась.

Сколь ни вбивала Аксинья в пустую дочкину голову правила да поучения — все без толку. «Не перебивай старших. Веди себя скромно. В церкви не разглядывай людей, молчи во время службы». Словесные ручьи текли мимо синеглазой Нютки.

— Ради Штепана штаралашь-то, ради него, ненаглядного. Вижу, ждешь его, дожждатьша не можешь. Рашкажу Штепану, как исцелила ты меня, похвалю. Да рашкажу о... — Потеха отложил ложку и уставился на Аксинию. Темное его лицо в глубоких прожилках морщин, с клочковатой седой бородой, являло собой воплощение лукавства.

— Одолели вы все меня! Мочи нет! Каждый норовит сказать. — Аксинья с грохотом отодвинула лавку, Потеха качнулся, но улыбки с лица не убрал. — Наелась досыта.

